

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава первая ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ	20
Глава вторая ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1772 ГОД) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	69
I. Истоки и геополитические императивы дипломатии Екатерины II	69
II. Польский вопрос в контексте внешнеполитических задач начала царствования Екатерины II	92
III. Избрание С. Понятовского королем Польши и Г. Кейзерлинг...	104
IV. Дивидентский вопрос и посольство Н. В. Репнина (1764— 1768 годы)	125
V. М. Н. Волконский и К. Сальдерн и планы «умиротворения Польши» (1769—1772 годы)	138
VI. Раздел Польши как средство обеспечения «рационального государственного интереса» ее соседей. Переговоры Генриха Прусского в Петербурге.....	147
VII. Подготовка и подписание Петербургских конвенций о первом разделе Польши	161
Глава третья ВТОРОЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1793 ГОД) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	186
I. Геополитические аспекты русско-австрийского союза 1781 года. Греческий проект	186
II. О. М. Штакельберг и проект русско-польского союза в 1787—1788 годах	204
III. Миссия М. М. Алопеуса в Берлине в 1788—1795 годах	233
IV. Польская конституция 3 мая 1791 года и Я. И. Булгаков	254
V. Ввод русских войск в Польшу в мае 1792 года и подписание русско-прусской конвенции 3 января 1793 года о втором разделе Польши	284
VI. Я. Е. Сиверс и Гродненский сейм	325
	3

Глава четвертая

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1795 ГОД) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	354
I. Реакция Австрии на русско-прусскую конвенцию о втором разделе Польши	354
II. Восстание Т. Костюшко и О. А. Игельстром	362
III. Русско-пруско-австрийские контакты по польским делам в период восстания Т. Костюшко	378
IV. Первый этап петербургских переговоров о третьем разделе Польши. Подписание русско-австрийской декларации 23 декабря 1794 года	392
V. Второй этап петербургских переговоров. Окончательное оформление третьего раздела Польши	406
Заключение	425

ПРИЛОЖЕНИЯ**I. ДОГОВОРНЫЕ АКТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАЗДЕЛАМ**

РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ	440
1. Петербургская конвенция между Россией и Пруссией о первом разделе Польши от 4 января 1772 года	440
2. Петербургская конвенция между Россией и Австрией о первом разделе Польши от 25 июля 1772 года	446
3. Конвенция между Россией и Пруссией о втором разделе Польши от 12 (23) января 1793 года	449
4. Акт приступления Е.В. Императора Римского к конвенции от 12-го (23-го) января 1793 года	453
5. Секретная декларация относительно союза между Россией и Австрией от 23 декабря 1794 года (3 января 1795 года)	458
6. Декларация России и Австрии о третьем разделе Польши от 23 декабря 1794 года (3 января 1795 года)	461
7. Конвенция относительно раздела Польши, заключенная между Россией и Пруссией, при участии Австрии, от 13-го (24-го) октября 1795 года	464
8. Акт отречения Его Величества Короля Польского от Королевства Своего от 14 (25) ноября 1795 года	467
9. Конвенция между Их величествами императором Всероссийским и королем Прусским, за приступлением к оной и Его величества императора Римского об окончательном разделе Польши между взаимными их державами, заключенная в Санкт-Петербурге 15-го (26-го) генваря 1797 года	469

II. ДОГОВОРЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ 477

10. Трактат вечный между Всероссийскою империею и Речью Посполитою Польскою от 13 (24) февраля 1768 года	477
---	------------

11.	Трактат между Ея величеством императрицею Всероссийскою и Его величеством королем и Речью Посполитою Польскими от 15 марта 1775 года	512
12.	Трактат между Ея величеством императрицею Всероссийскою с одной стороны и Его величеством королем и Яснейшею Речью Посполитою Польским с другой, заключенный и подписанный в Гродне 11 (22) июля 1793 года	531

КОНСТИТУЦИЯ ПОЛЬШИ 3 МАЯ 1791 ГОДА

13.	Установление правительственное (Закон, утвержденный 3 мая 1791 года)	539
-----	--	-----

ИНСТРУКЦИИ РОССИЙСКИМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ В ПОЛЬШЕ

14.	Проект рескрипта действительному тайному советнику графу Кейзерлингу от 8 августа 1762 года	550
15.	Общее наставление аккредитованным при Республике Польской нашему Чрезвычайному и Полномочному Послу графу Кейзерлингу и нашему Полномочному Министру князю Николаю Репнину от 6 ноября 1763 года	557
16.	Инструкция нашему генерал-аншефу, генерал-адъютанту, сенатору, лейб-гвардии конного полка подполковнику, Чрезвычайному и Полномочному послу при короле и Республике Польской князю Михайле Волконскому от 31 марта 1769 года	566
17.	Инструкция нашему Чрезвычайному и Полномочному послу при Короле и Республике Польской действительному тайному советнику господину Сальдерну от 5 марта 1771 года	595
18.	Перевод с инструкции для господина барона Стакелберга, действительного камергера Ея Величества императрицы Всероссийской и полномочного Ея министра при короле и Республике Польской 1772 года	600
19.	Рескрипт Я. И. Булгакову от 19 апреля 1792 года	606
20.	Инструкция барону Бюллеру, высочайше утвержденная 19-го апреля 1792 года	609
21.	Проект декларации Я. И. Булгакова о введении русских войск в Польшу с правкой Екатерины II, 1792 год	621
22.	Рескрипт генералу М. Н. Кречетникову от 8 декабря 1792 года	627
23.	Инструкция Я. Е. Сиверсу от 22 декабря 1792 года	635

ЗАПИСКИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ПО ПОЛЬСКИМ ДЕЛАМ

24.	Копия секретного сообщения австрийского посла графа Кобенцеля, 1782 год	647
25.	Записка Безбородко по «Греческому проекту»	653
26.	Замечания императрицы и князя Потемкина на вспомогательное польское войско	663

27.	Примечания графа Безбородко, каким образом распорядить негоциацию о союзе оборонительном с Польшею, 1788 год	668
28.	Донесение Я. И. Булгакова вице-канцлеру А. И. Остерману от 26 апреля (7 мая) 1791 года	674
29.	Проект Безбородко по польским делам 1791 года	679
30.	Секретнейшая записка Безбородко от 2 декабря 1792 года	681
31.	План поведения трех министров в Польше... 1792 года	684
32.	Проект вечного и твердаго Польской Республики существования, согласно с видами и системою России, 1794 год	696
Источники и литература		701

ВВЕДЕНИЕ

Разделы Речи Посполитой¹ между Пруссией, Австрией и Россией, случившиеся в просвещенном XVIII веке, принадлежат к «вечно живым» темам европейской истории. В различных странах издано (и продолжает выходить в свет) впечатляющее количество монографий, мемуарной литературы, архивно-документальных публикаций, посвященных как разбору обстоятельств исчезновения Польского государства с карты Европы, так и рецидивам территориальной перекройки Речи Посполитой в XIX веке, выявивших повторяемость, растянутость во времени самой тенденции разделов.

Разделы 1772, 1793 и 1795 годов — это и одна из «болевых точек» европейской истории, российско-польских отношений. Они так или иначе повлекли за собой длинную цепь трагических событий, среди которых польские восстания 1830—1831 и 1863—1864 годов и последующие неудачные попытки царской администрации инкорпорировать Польшу в состав Российской империи, двусмысленности деклараций Февральской революции по польскому вопросу. Затем, после обретения Польшей независимости в 1918 году, — советско-польская война 1920—1921 годов, завершившаяся массовой гибелью наших военнопленных в польском плену, и трагедия Катыни и Медного, вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года и фактическое соучастие за год до этого Польши в мюнхенском сговоре (ультиматум Чехословакии с требованием вернуть Тешенскую область). Простое перечисление противоречивых, остро, порой болезненно воспринимаемых тем, встающих в этом контексте, показывает, насколько важным остается объективное исследование польского вопроса в его исторической ретроспективе.

Отсюда — все новые и новые обращения историков к эпохе разделов как к исходной точке польского вопроса — сложнейшего исторического феномена, природа, причины и следствия которого во

¹ Термины «Речь Посполитая» и «Польша» используются в данной работе в соответствии с установившейся в научной литературе традицией как идентичные. В случаях, когда дуализм Речи Посполитой приобретает существенное значение, употребляются общепринятые термины «Коронные земли» и «Литва».

многим остаются невыясненными или недостаточно выясненными. Дело в том, что при основательном, но далеко не полном освоении фактического материала, дискуссии вокруг целого ряда существенных, принципиальных вопросов, касающихся разделов, продолжаются.

Обобщая оценки и точки зрения отечественных и зарубежных исследователей, можно выделить следующие проблемные блоки:

– Соотношение внутренних (анахронизм государственно-политического устройства Речи Посполитой) и внешних (политика соседних держав – Пруссии, Австрии, России) факторов в разделах, а затем и уничтожении в 1795 году Польского государства.

Значительная часть отечественных (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, Н. Д. Чечулин, Ф. Ф. Мартенс, из современных – Г. А. Санин) исследователей склонны связывать «падение Польши» в первую очередь с глубочайшим и затянувшимся внутренним кризисом, внутренним разложением польского государственного строя, всевластием и своекорыстием шляхты, использованным соседями Речи Посполитой, в первую очередь Пруссией и Австрией, а также Россией для территориальных приращений за ее счет.

Схожей точки зрения придерживались ведущие дореволюционные немецкие (К. Шлецер, Е. Германн), часть польских («краковская школа») исследователей, возлагавших, однако, основную ответственность за разделы на Екатерину II. С другой стороны, немало последователей было и остается у крупного австрийского историка А. Беера, связывавшего причины разделов с «полным разложением европейской системы государств во второй половине XVIII века и обусловленной этим бездеятельностью посторонних разделу держав». Широкое хождение до сих пор имеет и теория «заговора против Польши», которую развивают ряд французских и польских, в том числе современных, авторов. Пример – в целом очень интересная работа Т. Цегельского и Л. Кондзели «Разделы Польши. 1772–1793–1795» (Варшава, 1990).

Не менее широкий разброс мнений прослеживается и по другим базовым аспектам проблематики разделов:

– Являются ли разделы аномальным явлением в контексте общей логики развития международных отношений в Европе в эпоху позднего абсолютизма или мы имеем дело с закономерным результатом определявших ее общих тенденций?

– Следует ли рассматривать разделы 1772, 1793 и 1795 годов как фазы единого процесса («теория заговора») или каждый из них обусловлен своими причинами?

И, наконец:

– Какова мера ответственности каждой из держав – участниц разделов?

Излишне говорить, что именно этот последний вопрос и в прошлом, и сейчас в наибольшей степени попадает в резонанс политических конъюнктур, в силу которых исследователи политики разделов дружно пытались и пытаются снять ответственность со своей страны, не упуская, однако, возможности «поморализировать» насчет ее партнеров.

Большинство отечественных, впрочем, как и зарубежных историков, склонны считать основным архитектором разделов прусского короля Фридриха II, рассматривая роль России как вынужденную обстоятельствами Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, для успешного окончания которой было необходимо нейтрализовать открытое противодействие Австрии и скрытое – Пруссии. В адрес Екатерины (по крайней мере, в России XIX века) высказывался едва ли не единственный упрек – в усилении Пруссии и передаче украинской Галиции Австрии. Против течения осмеливались идти только тогдашние революционные демократы – М. Бакунин и А. Герцен, призывавшие вернуть независимость Польше, поделенной «между одной немкой и двумя немцами».

В результате в 60-е годы XIX века под влиянием авторитета С. М. Соловьева, опубликовавшего в 1863 году, году очередного польского кризиса, первое в России комплексное исследование разделов – «Историю падения Польши», сформировалась ставшая базовой и перешедшая затем в советские учебники истории «национальная» концепция, согласно которой Россия, участвуя в разделах Польши, только возвращала в свой состав украинские и белорусские земли, не присоединив ни пяди территории коренной Польши (вопрос о Литве и Курляндии трактовался как имевший для них положительные последствия в связи с тем, что «Россия была более экономически развита, чем Речь Посполитая»). При этом, однако, отмечалось, что «русский царизм... вместе с Пруссией и Австрией несет ответственность за участие в этом несправедливом акте».

На первый взгляд, подобные оценки выглядят достаточно взвешенными, особенно с учетом признания коллективной ответственности царизма за «несправедливый акт» в отношении Польши. Если же вникнуть глубже, то поиск «главного злодея» или выделение одного, хотя и важного, фактора из комплекса причин, обусловивших разделы, не просто уводит от непредвзятого взгляда на бурную и противоречивую историю международных отношений в Европе во второй половине XVIII века. Мы имеем дело с типологически неверным подходом, поскольку оценка исторических событий двухвековой давности на основе реалий и нравственных постулатов позднейшего времени слишком часто создает почву для политизированных спекуляций, не имеющих ничего общего с осмыслением историческо-

го опыта. Применительно к разделам Польши понять логику столь многомерного, поливалентного процесса — это и значит воздать по заслугам его участникам.

Исходя из этого, представляется, что выйти на неангажированные, объективные оценки разделов можно лишь при условии системного подхода, предполагающего их рассмотрение в рамках эволюции международных отношений в Европе, прослеженной в течение достаточно длительного временного периода. Это дает возможность не только выявить ретроспективные его истоки, но и учесть последующее развитие породившей его тенденции. Справедливости ради надо сказать, что такие попытки делались как раньше (французским историком А. Сорелем, из наших — В. О. Ключевским), так и в последние годы — немецкими исследователями М. Г. Мюллером и М. Шульце-Весселем, российским Институтом славяноведения, выпустившим сборник «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой» (М., 2000). Сейчас, после кардинального изменения геополитической ситуации в Европе и мире, подобный подход представляется особенно перспективным.

По существу, в 1991 году в истории международных отношений завершился 3,5-вековой цикл (исходную точку которого можно, разумеется, с известной долей условности пометить 1648 годом — Вестфальский конгресс), в течение которого происходило формирование политической карты Европы¹. Это уникальная возможность взглянуть не только на то, как зарождались и развивались международные отношения на континенте в Новое время, но и с какими итогами государства Центральной и Восточной Европы — Польша, Германия, Австрия, Россия, Литва, Украина, Белоруссия — подошли к новейшему этапу своей современной истории.

Не вдаваясь в детали длительного, исключительно сложного и внутренне противоречивого процесса формирования устойчивых геополитических структур в Центральной и Восточной Европе, роли в нем России, укажем только на одно обстоятельство, которое представляется нам важным для понимания характера действий российской дипломатии, в том числе в период первых трех разделов Польши. Россия в силу обстоятельств достаточно случайных — подписания ею Столбовского договора со Швецией — вошла, наряду с Францией и Швецией, в число гарантов Вестфальского мира. С этого времени — и это уже принципиально важно — стратегия и тактика российской дипломатии начинает определяться не только ее географическим положением, возмраставшей военной и экономической мощью, поли-

¹ Более детально этот вопрос рассматривается в разделе первом второй главы.

тическим влиянием, но и востребованностью в рамках сложившейся после заключения Вестфальского мира системы международных отношений в Европе.

Значительную, возможно, решающую роль в этом сыграло воссоединение Украины с Россией в соответствии с решением Земского собора 1 октября 1653 года. И дело не в простом совпадении дат — Освободительная война украинского народа под предводительством Б. Хмельницкого началась в 1648 году, в год подписания Вестфальского трактата. Эффективное военно-дипломатическое обеспечение воссоединения двух братских славянских государств впервые показало Европе не только стремление России покончить с самоизоляцией московского периода, но и ее способность играть стабилизирующую роль на «восточной периферии» Вестфалья.

Царствование Екатерины II (1762–1796 гг.) по праву занимает особое место в истории русской дипломатии. Впервые после эпохи Петра I выдающиеся победы русской армии были подкреплены не менее блестящими успехами дипломатов. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, определивший на десятилетия программу русской внешней политики на черноморско-балканском направлении, эффективная посредническая роль России в ходе Тешенского конгресса 1779 года, провозглашение в 1780 году принципа вооруженного морского нейтралитета, ставшего серьезным вкладом России в укрепление правовой основы международных отношений, присоединение Крыма и Северного Причерноморья, подписание Георгиевского трактата с Восточной Грузией в 1783 году, включение в состав Российского государства Литвы, воссоединение с ним Белоруссии и Правобережной Украины — вот далеко не полный перечень свершений екатерининской эпохи.

Вместе с тем рационализм — примета просвещенного XVIII века — ориентированность на государственный интерес органично сочетались во внешнеполитической деятельности Екатерины II с дипломатической практикой эпохи позднего абсолютизма с ее стремлением к «округлению границ», ослаблению соседей. Известное высказывание Екатерины о том, что «вся политика сводится к трем словам: обстоятельства, расчеты и конъюнктуры» (*“circonstances, conjectures et conjonctures”*), ничем не отличается от разработанной австрийским канцлером В. Кауницем-Ритбергом «политики удобных случаев» (*“Convenienz-Politik”*). Понимая это, Е. В. Тарле, один из самых ярких и добросовестных историков советского периода, отмечал, затрагивая вопрос о мере ответственности Екатерины II за разделы Польши, что не следует «чернить сверх меры тогдашнюю русскую дипломатию за ее якобы исключительное коварство».

Думается, что, утверждая это, Тарле понимал не только противоречивость исторического процесса, но и неприменимость к нему категорий «бытового морализирования». Диалектика истории нередко реализуется вопреки расчетам и амбициям ее творцов. Екатерину, разумеется, трудно заподозрить в том, что, присоединяя к России Крым или участвуя в разделах Польши, она предвидела, что закладывает основы суверенитета современной Украины и Белоруссии. «Округляя границы», проводя многовекторную территориальную экспансию, она строила империю, руководствуясь политическими и нравственными понятиями своего времени.

Вместе с тем приемы и общая направленность екатерининской дипломатии оказались настолько устойчивыми, что продолжали действовать (разумеется, в трансформированном виде) не только до 1917 года, но и в советскую эпоху. Дипломатическое наследие Екатерины — порыв к Черноморским проливам и польский вопрос — во многом определило существо того феномена, который принято называть имперской составляющей внешней политики России. Отсюда — не только теоретическая, но и практическая важность критического осмысления, а в необходимых случаях — переосмысления опыта истории отечественной внешней политики. Без этого вряд ли возможно формирование новой, соответствующей ее нынешней самоидентификации и новым геополитическим императивам дипломатии России.

Таковы вкратце предварительные замечания, которые мы посчитали необходимым сделать, перед тем как перейти к пояснению исследовательских задач, структуры и источниково-документальной базы монографии.

* * *

Предметом исследования является комплекс вопросов, связанных с участием России в разделах Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 годах. Основная задача — изложить на архивно-документальной основе предысторию и историю разделов, роль в них российской дипломатии, уделив особое внимание тем моментам, которые продолжают оставаться объектом научной дискуссии. Подобный подход обусловлен тем, что при нынешнем, достаточно высоком уровне изученности проблематики разделов Речи Посполитой по целому ряду ее аспектов отечественными и зарубежными историками высказываются различные, нередко полярно противоположные точки зрения, и происходит это в силу отсутствия архивно-документальной базы или сомнений, которые вызывают те или иные документы, введенные в научный оборот преимущественно в XIX веке.

Сложность, ответственность, а временами и сугубая деликатность поставленной задачи заключается в том, что стереотипное восприятие наиболее болезненных эпизодов отечественной истории формировалось в дооктябрьский период не менее активно и политизированно, чем в XX веке. По существу, отечественные историки располагали лишь весьма коротким периодом (с 1905 по 1922 г.) для относительно свободной, бесцензурной работы. В результате до последнего времени вне поля научного анализа оставался комплекс вопросов, связанных с очевидным несовпадением династических интересов Романовых и государственных задач, стоявших перед Россией. Не уделялось достаточного внимания национально-психологическим особенностям личности и политического мышления Екатерины, способствовавшим перенесению на русскую почву не всегда органично прививавшихся на ней немецких политических архетипов.

Методологически исследование построено на принципах историзма, объективности и системного подхода к проблематике первого и последующих разделов в контексте анализа геополитических императивов и общей иерархии приоритетов внешней политики Екатерины II, сложной динамики развития международных отношений в Восточной и Центральной Европе, обусловленной острым соперничеством великих держав за сферы влияния на «восточной периферии» вестфальского пространства. Под аналогичным углом рассматривается и блок вопросов, связанных с непосредственной вовлеченностью России в разделы Польши: особенностями и эволюцией функционирования системы принятия внешнеполитических решений в царствование Екатерины II, ролью в нем придворных группировок и «центров влияния» (Н. И. Панин — Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин — А. А. Безбородко, П. А. Зубов, А. И. Морков, Н. И. Салтыков — А. Р. Воронцов и П. В. Завадовский), деятельностью российских дипломатов в Варшаве и других европейских столицах по реализации политики Екатерины II в отношении Речи Посполитой.

Источниковой базой монографии явились документы российских архивов, прежде всего Архива внешней политики Российской империи МИД России. В связи с тем, что свободный доступ отечественных и иностранных исследователей к дипломатическим архивам по польскому вопросу был практически открыт только с 1991 года, в научный оборот вводятся значительное количество ранее неизвестных документов. Особый интерес в этом плане представляет фонд № 5 «Секретные мнения КИД» АВПРИ, в котором отложились записки Коллегии иностранных дел по польским делам, «Мнения» Н. И. Панина, И. А. Остермана, А. А. Безбородко, Г. А. Потемкина, Н. И. Салтыкова, А. Р. Воронцова, А. И. Моркова, относящиеся ко второму и третьему, в меньшей степени — первому разделам Поль-

ши¹. Обнаружен целый ряд ранее неизвестных резолюций и маргиналий Екатерины II. Следует отметить и выявленный в этом фонде комплекс записок А. А. Безбородко и Г. А. Потемкина по Греческому проекту (часть из них исследована О. И. Елисеевой и В. С. Лопатиным).

Ряд аналитических и докладных записок по польским делам, реестров, материалов КИД, представленных Екатерине II, циркуляров и депеш Н. И. Панина, И. А. Остермана, А. А. Безбородко находятся в фонде № 8 «Высочайше апробованные доклады по сношениям России с иностранными державами»². «Конференциальные записки» (фонд «Внутренние коллежские дела») представляют собой протокольные записи совещаний и бесед послов, аккредитованных в Петербурге, у вице-канцлеров А. М. Голицына и И. А. Остермана³. Среди них — и оригинальные протоколы переговоров по второму и третьему разделам Польши, проходивших в Петербурге осенью 1792 года и в 1794—1795 годах. В этом же фонде отложились тематические подборки документов по разделам Речи Посполитой.

Основным источником информации по деятельности российского диппредставительства в Варшаве является фонд «Сношения России с Польшей»⁴ (описи № 1, 6, 7). В делах описи № 1 (1720—1772 гг.) использована переписка КИД с российскими диппредставителями в Варшаве Г. К. Кейзерлингом (1733—1744 гг., 1749—1752 гг., 1762—1763 гг.), Г. Гроссом (1752—1759 гг.), Ф. М. Воейковым (1759—1762 гг.). Значительный интерес представляют материалы о пребывании в Польше русской армии во время Семилетней войны, о защите Россией интересов православного населения Польши, о торговле России с Речью Посполитой.

Опись № 6 этого фонда, охватывающая период с 1720 по 1816 годы, состоит из пятнадцати разделов. Из них были использованы документы, хранящиеся в разделе III: рескрипты, докладные записки и инструкции Екатерины II, канцлера М. А. Воронцова, вице-канцлера И. А. Остермана русским послам в Варшаве в 1763—1797 годах.

Атмосферу, в которой происходили разделы, позволяют реконструировать документы, отложившиеся в разделе IV, где хранятся письма и прошения польских магнатов Браницких, Мнишек, Понятовских, Радзивиллов, Чарторыйских, Огинских, Потоцких и других Екатерине II, М. И. Воронцову и Н. И. Панину (1760—1806 гг.). В разделе V сосредоточены рескрипты КИД Г. К. Кейзерлингу (1762—1763 гг.), Н. В. Репнину (1764—1769 гг.), М. Н. Волконскому

¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп. 5/1. 1725—1800.

² АВПРИ. Ф. «Высочайше апробованные доклады по сношениям России с иностранными державами». 1725—1802. Оп. 8/1.

³ АВПРИ. Ф. 2 «Внутренние коллежские дела». Оп. 2/6.

⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп. 1, 6, 7.

(1769–1771 гг.), О. М. Штакельбергу (1772–1790 гг.), Я. И. Булгакову (1790–1792 гг.), Я. Е. Сиверсу (1792–1793 гг.), О. А. Игельстрему (1793–1794 гг.) и их депеши в Петербург. Документы Тарговицкой конфедерации за 1792–1795 годы хранятся в разделе VII; в разделе VIII – постановления польских сеймов, конфедераций, обращения и универсалы польского короля, выписки из речей сенаторов, литературно-публицистические статьи журнала заседаний сеймов (1764–1812 гг.). В разделе XII содержится переписка Екатерины II, Н. И. Панина, А. А. Безбородко и П. Зубова с командующими русскими войсками в Польше – генералами М. Н. Волконским, А. И. Бибиковым, М. В. Каховским, М. Н. Кречетниковым, И. П. Салтыковым, Н. В. Репниным, П. А. Румянцевым-Задунайским и А. В. Суворовым. В разделе XV – копии трактатов, проекты деклараций и конвенций, заключенных Россией с Польшей, Пруссией и Австрией в 1701–1795 годах.

Дополняют эти материалы документы фонда «Варшавская миссия»¹. В нем, в частности, отложились копии донесений российских дипломатических представителей в Варшаве за 1762–1795 годы, а также переписка русских послов в Варшаве с дипломатическими представителями России в других странах.

В фонде «Пограничные с Польшей комиссии»² отложились дела по пограничному разграничению с Польшей Новгородской, Псковской, Великолуцкой и Смоленской провинций за период до 1763 года, а также дела Малороссийской, Сатановской, Псковской, Двинской, Шкловской, Пропойской, Витебской, Мстиславской, Белоцерковской, Гродненской и Торунской пограничных комиссий за различные периоды.

Важная информация по контактам России с Пруссией, Австрией, Турцией, Данцигом в период разделов содержится в соответствующих фондах АВПРИ³.

Среди использованных при подготовке монографии документов Государственного архива Российской Федерации следует отметить, прежде всего, фонд «Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца»⁴. Среди них – «Записки Екатерины II, начатые в 1790 году»⁵, в которых дается знаменитая поздняя характе-

¹ АВПРИ. Ф. 80 «Варшавская миссия» (1720–1797).

² АВПРИ. Ф. 21 «Пограничные с Польшей комиссии» (1724–1773).

³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп. 32/6; Ф. «Венская миссия». Оп. 33/2; Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп. 74/6; Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8; Ф. «Сношения России с Данцигом». Оп. 1, 3, 4, 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 728 «Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца». Оп. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. I. Д. 129.

ристика Н. И. Панина как человека, который «со многими талантами обладает трусливым и феминизированным сердцем; он предается всем, кто ему льстит и демонстрирует покорность. Его слабость в отношении окружающих его лиц доходит до того, что в большинстве случаев он попадает под влияние своего окружения»¹, конволют депеш посла Пруссии в Петербурге В. Ф. Сольмса за 1772–1773 годы (ряд писем даны в иной редакции, чем они напечатаны в т. 72 Сборников РИО)², неизданная переписка Екатерины II с бароном Черкасовым, раскрывающая перипетии «кризиса совершеннолетия» великого князя Павла Петровича осенью 1773 года³, подготовленная к изданию директором Петербургского главного архива МИД бароном Ф. А. Бюлером, копии писем Екатерины II ее фавориту А. М. Дмитриеву-Мамонову за 1788–1789 годы⁴.

Исключительный интерес вызывают первый — седьмой тома «Мемуаров» польского короля Станислава Августа⁵. «Мемуары» представляют собой писарскую копию на французском языке, частично использованную в их академическом издании 1914–1924 годов. В них имеются любопытные подробности переговоров по первому разделу (в частности, Станислав Август был уверен в ключевой роли, которую играл в них Ф. А. Ассебург)⁶, несколько писем Остен-Сакена С. Понятовскому с характеристикой расстановки сил при русском дворе⁷. В качестве примера можно привести разговор О. М. Штакельберга с королем после отставки Н. И. Панина с поста обер-гофмейстера осенью 1773 года. Сославшись на панинское письмо, посол сказал королю, что после удаления из дворца Панин решил «остаться при управлении иностранными делами нарочно, для того чтобы выводить ее (Екатерину II. — П. С.) из себя»⁸. Богаты деталями, характеризующими взаимоотношения при дворе, и рукописные воспоминания И. И. Шувалова «Общественная и частная жизнь в царствование Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II»⁹. Написанная, судя по всему, в конце жизни И. Шувалова (1727–1797 гг.), эта небольшая по объему рукопись (152 листа) содержит очень емкие характеристики самой Екатерины и видных деятелей ее царствования.

Очень важной, в некоторых отношениях ключевой, является рукопись ГАРФ «Notice sur sir Hanbury Williams, ses relations avec

¹ Там же. Л. 5–5 об.

² ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. I. Д. 208.

³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. I. Д. 212.

⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. I. Д. 328 “Mémoires du roi Stanislas Auguste”.

⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. I. Д. 130.

⁶ Там же. Т. IV. Л. 383.

⁷ Там же. Т. III. Л. 322–326.

⁸ Там же. Т. VII. Л. 100.

⁹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. I. Д. 112.

Catherine II et les affaires de son temps»¹ (более подробно о ней говорится в главе второй).

Важные для историографии разделов документы хранятся и в коллекции материалов личного происхождения ГАРФ. В частности, в фонде А. П. Лобанова-Ростовского², императрицы Елизаветы Алексеевны³, А. В. Браницкой⁴, П. Г. Дивова⁵ (записные книжки о Екатерине и ее реформах), и особенно в фонде Г. В. Есипова⁶, собиравшего материалы по истории первого раздела Речи Посполитой, часть из которых была использована при подготовке статьи об отношениях Н. В. Репнина с С. Понятовским. В том же фонде имеются выписки из мемуаров прусского дипломата графа Герца за 1779–1786 годы⁷ и материалы к готовившейся им статье «Первый раздел Польши»⁸.

В Российском государственном архиве древних актов интерес представляют прежде всего документы Коллегии иностранных дел, находившиеся до 1917 года в Государственном архиве Российской империи. В фонде «Секретные пакеты» этого раздела были внимательно изучены оригиналы рукописей «Мемуаров» Станислава Августа и подготовительные материалы к ним, в которых наибольший интерес представляют записи польским королем его бесед с Павлом I и Марией Федоровной в 1796 году о польских делах, раскрывающие ряд деталей относительно механизма второго и третьего разделов⁹. В фонде имеется комплекс материалов, оставленных Павлом Петровичем Н. И. Панину перед отъездом за границу в 1782 году. В находящемся в нем черновике письма Павла Панину приводится список членов Верховного совета, который он планировал создать в случае внезапной кончины Екатерины. Этот документ важен, поскольку в нем приводятся поименно члены «панинской партии», оппозиционно настроенные к первому разделу¹⁰.

В фонде «Переписка лиц императорской фамилии и других высочайших особ» просмотрена переписка Екатерины II с принцем Ген-

¹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. I. Д. 137.

² ГАРФ. Ф. 978.

³ Там же. Ф. 668.

⁴ Там же. Ф. 741.

⁵ Там же. Ф. 917.

⁶ Там же. Ф. 926. Оп. 1. Д. 438 «Выписки и копии документов МИД о первом разделе Польши».

⁷ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 450.

⁸ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 194.

⁹ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1 «Пакеты за императорской печатью».

¹⁰ РГАДА. Ф. 1. Д. 52. Л. 6–8 (черновик). Документ представляет собой текст на трех листах обычного формата с оборотами, без полей, написан собственноручно Павлом Петровичем по-русски. Имеются многочисленные исправления и подчеркивания.